

Светлана Борзунова

Первая встреча

Назад и влево уплывал закат.
Но этот город не был мною прожит.
Его томил мой жесткий трезвый взгляд,
он от меня отрецивался тоже.
Не понимал меня, не принимал:
“Иди же прочь, ты всем во мне чужая”.
Назад и влево отступал закат,
к востоку неуклонно приближая.
И подступала смертная тоска,
смеркала взор и дух лишала слуха.
О, город до себя не допускал,
со мной держался вежливо и сухо.
Но все же распускались тополя -
для всех своих и для меня отчасти.
И расцветала мерзлая земля,
и испускала биотоки счастья.
Седые льды расталкивал Амур,
свои пески оглаживала Зея,
прожектора очерчивали круг,
пересекаясь где-то над музеем,
кружились вдоль границы катера,
собаки заливались на заставе.
Я понимала: близилась пора,
чтоб отношения с городом исправить.
Бродя под майским вкрадчивым дождем,
я понимала явственней и резче:
мы общий наш язык найдем
с тобою, осторожный Благовещенск.

Благовещенск

На других не похож этот город прибрежный -
с православным названьем, нескладной судьбой,
обнимаемый сопками строго и нежно,
там, где Зея с Амуром сплелись меж собой.
Он спокоен, неспешен, достоинства полон.
Как осенние звезды над ним высоки!
Он особо хорош, если в солнечный полдень
на центральную площадь посмотришь с реки.
Его стиль - безусловно смешение стилей:
впережку вчерашний и завтрашний день -
рядом домик с резьбой, рядом башня со шпилем
беззаботно в панельную прячутся тень.
Благовещенск растет. Этажи поднимает.
Обрастает жильем. Прирастает людьми.
Это верно. Все правильно. Так и бывает,
отчего же порой мое сердце щемит:
неужели придут неизбежные сроки,
и сотрется, обтешется, станет как все
этот город, в котором стрекочут сороки
и фазаны снуют по погранполосе.